E29
56

E29—56

Н. П. ШУБИНСКОЙ.

Памяти П. А. Столыпина.

† 5 сентября 1911 г.

Рѣчь, произнесенная 5 сентября 1913 г. въ Центральномъ Комитетѣ Союза 17 октября, въ Москвѣ.

МОСКВА—1913.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
Леонтьевскій пер., 5.

E29/56

Шубинский, Н.П.

Памяти П. А. Столыпина.

† 5 сентября 1911 г.

Рѣчь, произнесенная 5 сентября 1913 г. въ Центральномъ Комитетѣ Союза 17 октября, въ Москвѣ.

МОСКВА—1913.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
Леонтьевскій пер., 5.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 33358 1982 г.

E29/56

ПАМЯТИ П. А. СТОЛЫПИНА.

† 5 сентября 1911 г.

„Не приведи Богъ видѣть рус-
„скій бунтъ,—безсмысленный и без-
„пощадный. Тѣ, которые замышля-
„ютъ у насъ перевороты, или молоды
„и не знаютъ нашего народа, или
„ужъ люди жестокосердые, коимъ и
„своя „шейка-копѣйка“, и чужая
„головушка-полушка“.
(„Капитанская дочка“, Пушкинъ).

Всѣмъ намъ, собравшимся почтить память незабвеннаго Петра Аркадьевича,—хорошо памятны событія, взволновавшія русскую жизнь въ 1904 и 1905 гг. Кого не угнетали тогда опасенія за мрачное будущее, полное угрозъ правовому порядку и основнымъ укладамъ русской жизни! Пользуясь запальчивостью однихъ, темнотою другихъ, смута и анархія проникли во всѣ слои русскаго общества и народа. Казалось, не было очага, не охваченнаго пожаромъ политическихъ страстей, вскорѣ перешедшихъ съ политическихъ платформъ на соціалистическія программы и революціонныя вожделѣнія. Среди общаго возбужденія наибольшую растерянность и безсиліе проявила администрація тогдашнихъ дней. Только что оконченная война съ Японіей не выдвинула ни одного героя, ни одного историческаго имени. Тамъ, на далекой окраинѣ, спорили между собой лишь мелкія

посредственности съ раздутыми самолюбіями. Лучшіе изъ военачальниковъ пали въ началѣ войны, оставивъ въ наслѣдіе лишь славныя имена, но не принеся, однакоже, своей смертью ни пользы, ни утѣшенія родинѣ. Вмѣсто воодушевленія и подъема, печальная война внесла лишь разочарованія и удесятерила число недовольныхъ. А ихъ и безъ того было не мало. Образованная молодежь, воспитанная въ недовольствѣ правительствомъ и воодушевляемая политическими агитаторами; фабричные рабочіе, вѣчно спорящіе о часахъ труда и платѣ за него; народъ съ пробужденными инстинктами матеріалистическаго характера, науськиваемый третьимъ элементомъ,—все это объединилось и поднялось въ эти тяжелые дни для государства, подобно разрушительному потоку. У всѣхъ была одна мысль, что старый правительственный механизмъ съ своей замкнутостью и абсолютизмомъ требуетъ реставраціи, новыхъ жизненныхъ силъ. Элементы болѣе энергичные и смѣлые уже давно тяготились своей отчужденностью отъ участія въ управленіи государствомъ. На уступки со стороны правительственной власти они мало надѣялись; поэтому, многіе изъ нихъ открыто вступили въ ряды загорѣвшейся смуты и волненій. Бояться было некого: главный оплотъ государственной власти—войска, были на далекомъ востокѣ, занятыя тяжелой войной съ хорошо подготовленнымъ и взвѣсившимъ свое положеніе противникомъ. Остававшіяся на мѣстахъ войска были малочисленны и нерѣдко поколеблены въ своей вѣрности долгу и присягѣ. Подобно безлюдью на войнѣ, и въ гражданской жизни не было—ни энергичныхъ, ни выдающихся людей. Въ дни революціоннаго набата и призывовъ къ бунту многіе администраторы растерялись, отдали сначала улицы въ руки толпы, а затѣмъ и цѣлыя общественныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и государственныя учрежденія. Уличная толпа, ея предводители и бунтари, не встрѣчая отпора и обузданія, почуяли за собой силу и пошли на-

проломъ. Съ ними тогда считались, вели переговоры, имъ уступали, — такъ велика была деморализація момента. Именно въ эту эпоху уличныхъ бунтовъ и броженій, сквозь бушевавшія волны рабочихъ, молодежи, революціонныхъ профессіоналовъ, — энергично протискивалась къ государственной власти интернаціональная группа интеллигентовъ, сумѣвшая посулить: однимъ увеличеніе заработной платы, другимъ—землю, третьимъ—выгодныя роли и мѣста на ступеняхъ новой политической жизни. Въ ту злополучную пору не только отдѣльные органы власти на мѣстахъ, но и центральное правительство впало какъ бы въ анемію, оказалось въ параличѣ,—по образному выраженію одного крупнаго политическаго дѣятеля. Не было ни объединяющей всѣхъ фигуры, ни отдѣльныхъ энергичныхъ и мужественныхъ руководителей на мѣстахъ. Однихъ успѣли сразить бомбы террористовъ; другіе избавились отъ нихъ, благодаря своей безличности; ихъ безсиліе было въ руку разгоравшемуся пожару. Скоро, однакоже, для многихъ стало ясно, что господство улицы долго продолжаться не можетъ, что необходимо перейти къ чему-либо опредѣленному, способному олицетворить ясно выраженный государственный строй. Этимъ моментомъ переходнаго состоянія искусно воспользовалась вышеупомянутая интернаціональная группа интеллигентовъ. Русская деревня, фабричные рабочіе, мало развитые и плохо подготовленные для политической жизни, — оказались покорнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Поэтизируя свою роль въ эпоху смуты, минутные хозяева положенія отнесли къ себѣ реальный успѣхъ представителей идеи, то-есть возникновенія народнаго представительства въ Россіи. Событія, однакоже, разсказываютъ иное. Вотъ ихъ настоящая лѣтопись. Явленія такого рода, какъ народное представительство, въ жизни народовъ обычно выростаютъ не усиліями единицъ, хотя бы и съ организованныхъ между собою, а изъ совокупности самыхъ разнородныхъ историческихъ причинъ, побужденій и группиро-

вокъ. Идея народнаго представительства—давняя идея въ русской исторіи. За нее многіе поплатились жизнью, другіе—свободой, личнымъ счастьемъ. Для многихъ народное представительство справедливо казалось логическимъ завершеніемъ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, призывавшихъ впервые къ самодѣятельности русское общество. За него давно стояли лучшія земскія группировки безъ различія политическихъ окрасокъ, различествуя лишь внутри себя: одни шумѣли, запальчиво понося правительство; другіе спокойными усиліями приближали правительство къ идеѣ народнаго представительства и своевременности таковаго для русской жизни. Война съ Японіей, обнаружившая рядъ недочетовъ въ правительственномъ аппаратѣ, показала, что контроль и участіе въ законодательствѣ народныхъ представителей—дѣло назрѣвшей необходимости. Имѣя за собой богатый опытъ государственнаго управленія, бюрократическій строй привыкъ искать точекъ опоры внѣ общества и народа. Еще въ недавніе дни русская дипломатія, военное искусство, казавшіяся столь блестящими,—на первомъ же экзаменѣ испытали банкротство. Маленькій народъ, которому они грозили ударомъ молота, восторжествовалъ, благодаря свѣжести своихъ государственныхъ силъ, ихъ съорганизованности и близкой связи между правительствомъ и народомъ. Во всѣ времена войны Россіи играли для нея огромную, возраждающую роль, то расширяя ея предѣлы, то обновляя внутренній строй. Севастопольская эпопея закончилась уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, провозглашеніемъ свободнаго труда, образованіемъ гражданской личности внутри народа. Послѣдняя война не могла пройти безслѣдно для молодого, далеко не сказавшаго своего послѣдняго слова, народа, какимъ справедливо считается Россія. Личная свобода рождаетъ обыкновенно потребность въ политическихъ правахъ. Въ народахъ, подобныхъ Франціи или Германіи, стоящихъ на высокихъ степеняхъ культуры,

исканіе политическихъ правъ бываетъ дѣломъ всей націи. Въ народахъ меньшей культурности, отстаиваніе политическихъ свободъ бываетъ удѣломъ лишь интеллигентныхъ круговъ въ нихъ. У насъ эти послѣдніе воспользовались благопріятнымъ моментомъ и подняли голоса за новый строй. Правительство, обезсиленное смутой, думало не о томъ, чтобы заглушить ихъ, а объ уступчивости и готовности къ совмѣстной работѣ съ ними. Недавнихъ противниковъ готовы были признать друзьями. Въ основу новаго строя согласились положить избраніе „лучшихъ людей", выдвинутыхъ изъ народа, способныхъ чувствовать и выражать его нужды и желанія. Словомъ, въ новомъ строѣ искали механизма, который началъ бы обновительную, прогрессивную работу, состоящую изъ взаимныхъ усилій со стороны правительства и народныхъ представителей. Таково было основное теченіе, рядомъ съ которымъ двигалось другое, мечтавшее само стать правительствомъ и руководить жизнью страны.

Выразителемъ первой изъ этихъ группировокъ и былъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ, положившій ея намѣренія въ основу своей политической программы.

П. А. былъ убѣжденнымъ сторонникомъ народнаго представительства въ Россіи. Онъ не только не искалъ умаленія его въ русской жизни, о чемъ нѣкоторые мечтали, да, можетъ быть, и сейчасъ мечтаютъ, а, напротивъ, искренно желалъ утвержденія его и многое сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ. Вначалѣ свести къ банкротству наше молодое народное представительство было очень легко: стоило только третье избраніе народныхъ представителей предоставить прежнему порядку, чтобы съ спокойной совѣстью начать рѣчь о неудавшемся опытѣ и незрѣлости страны для представительнаго строя въ ней. Иначе думалъ П. А., положивъ много усилій, чтобы привлечь въ составъ депутатовъ здоровыя силы страны. И я самъ слышалъ возгласы удивленія отъ представителей иностранныхъ конституціонныхъ державъ, что столь трудная реформа, какъ

народное представительство, такъ быстро наладилась и удалась въ Россіи. Въ Японіи, раньше, чѣмъ получить устойчивость, парламентъ былъ распущенъ одиннадцать разъ къ ряду.

Въ описываемые дни П. А. былъ центромъ правительственной власти; передъ нимъ благоговѣли; бюрократическія сферы подражали ему, стремясь не только усвоить, но даже угадать его мысли и неуклонно слѣдовать имъ. Его симпатіи къ народному представительству отражались на всѣхъ и на всемъ, начиная съ главарей и кончая мелкими сошками: все драпировалось въ симпатію и уваженіе къ народному представительству и къ выдающимся выразителямъ его.

Едва ли есть другая страна въ мірѣ, кромѣ Россіи, гдѣ недовольство правительствомъ было бы столь стойкимъ и хроническимъ. Правительство въ Россіи—отвѣтчикъ за все; даже за то, что дѣлаетъ сама страна внутри себя, въ нѣдрахъ своей духовной и экономической жизни. Пьянство, озорничество, бездѣльничанье, развратъ—царятъ чуть не на каждомъ шагу. Виновато правительство: или оно „довело“, или „не умѣетъ обуздать“ и направить на здоровый путь. Начнетъ правительство принимать мѣры, призывать къ труду, порядку—новые вопли: „тиранія“, „попраніе свободъ“ и т. д.

Второй мотивъ недовольства—соціальный и экономическій строй. Одни рвутся къ господству въ общественной и политической жизни; другіе—къ денежнымъ благамъ; третьи—жаждутъ земельныхъ обогащеній; четвертые—предлагаютъ утопическія основы для переустройства жизни, отвергнутыя всюду націями гораздо высшей культуры.

Среди такого броженія и неустойчивости, для честолюбцевъ легко добраться до власти, стоитъ только поладить съ толпой, увлечь ее своими посулами. Первый избирательный кадръ народнаго представительства от-

лично учелъ все это и ловко занялъ большинство скамеекъ перваго русскаго парламента. Тамъ сразу создалось это партійное большинство. Но изъ яйца ястреба вы не выведете голубя. Такъ случилось и съ первой Государственной Думой. Ей приходилось платить по дутымъ векселямъ, выданнымъ въ періодъ смутъ. Вопросы политическаго характера скоро отступили на второй планъ передъ матеріалистическими вожделѣніями и соціалистическими утопіями, разбившими въ исторіи не одинъ конституціонный корабль. Если интеллигенты, попавшіе на политическіе подмостки, рвались къ власти, то вознесшіе ихъ неинтеллигенты жаждали одного—или чужой земли, или матеріальныхъ компенсацій за проявленную ими удаль. Наросталъ и быстро выросъ соціальный кризисъ, грозившій крушеніемъ для парламента и новыми анархическими бурями. Попробовали распустить первую Думу; получили вторую съ ослабленнымъ составомъ интеллигентовъ и преобладаніемъ анархическихъ или революціонныхъ элементовъ въ ней.

Въ эпоху этой борьбы сначала съ уличной смутой, а затѣмъ уже съ явнымъ посягательствомъ на главныя основы государственности, правительство, придворныя сферы, вся благомыслящая часть русскаго общества—ясно ощутили необходимость въ вождѣ, полномъ мужественной энергіи, вѣры въ себя, способномъ поднять приспущенное знамя государственности, ободрить здоровые элементы страны, сплотить ихъ вокругъ себя и во имя началъ здравомыслія и государственной устойчивости, дать энергичный отпоръ трубадурамъ бунта, перешедшаго въ насилія, разнузданность и грабежи. Ему предстояла грандіозная задача: сказать мужественныя и правдивыя слова; возродить уваженіе къ здоровымъ сторонамъ жизни—порядку, законности; напомнить о неприкосновенности личности (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) и собственности, взамѣнъ анархіи, насилія, разрушенія и захватовъ, какіе несъ и проповѣдывалъ новый строй и его герои.

Нельзя отрицать, что среди бюрократіи и тогда были люди умные и опытные. Но этого было мало; ихъ пріемы не возвышались надъ обычной бюрократической рутиной. Нуженъ былъ новый человѣкъ, новыя слова, новыя мысли, которыя отвѣтили бы моменту, которыя дали бы отпоръ поднимавшейся анархической волнѣ и мутнымъ ея утопіямъ. Такимъ человѣкомъ и явился безвременно погибшій отъ злодѣйской пули П. А. Столыпинъ.

Когда я впервые увидалъ П. А.—онъ уже былъ премьеръ-министромъ; его окрыляла небывалая слава и исключительный успѣхъ. Онъ, дѣйствительно, сумѣлъ сказать требуемыя моментомъ слова, которыхъ ждала отъ правительства вся благомыслящая Россія. Онъ пробудилъ изъ летаргіи внутренняго безсилія правительственную власть, напомнилъ, что въ Россіи господствующей властью является не анархически-революціонный потокъ, а вѣковые историческіе устои страны. Для того, чтобы сказать эти слова, чтобы отвѣтить на фантазіи, порывы и экзальтацію, гремѣвшіе въ тѣ дни—нуженъ былъ человѣкъ исключительный. Мало было имѣть умъ, понимать многое и умѣть хорошо разсуждать по поводу него; нуженъ былъ человѣкъ, способный глубоко чувствовать русскую жизнь—ея вѣковые уклады, способный пробудить такія же чувства въ другихъ и вывести на прямой и здоровый путь изъ тѣхъ колебаній и расшатанности, которыя въ послѣднія десятилѣтія настойчиво разлагали русскую жизнь. Въ эти смутные дни П. А. явилъ собой здравый смыслъ, свойственный сильному русскому человѣку широкій, ясный умъ, могучую энергію, беззавѣтную готовность отдать всего себя, пожертвовать всѣмъ дорогимъ въ жизни для блага родины, для поворота жизни ея отъ бурь смуты на здоровый путь законности и мирнаго прогресса. Кто, непредубѣжденный, хотя разъ видѣлъ въ эту эпоху П. А., тотъ сразу подпадалъ подъ неотразимое вліяніе его личности, не власти, которую

онъ тогда олицетворялъ, а именно личности, сіявшей какимъ-то рыцарскимъ благородствомъ, искренностью и прямотой. Ни капли чиновника, царедворца, честолюбца не чувствовалось въ немъ, хотя онъ всегда и вездѣ хранилъ высокое личное достоинство, свойственное его жизненному типу.

Лишь временами глаза его сурово загорались предвѣстниками надвигавшейся бури. Стоило заговорить о печальныхъ спутникахъ смуты—убійствахъ, грабежахъ, насиліяхъ, поджогахъ, какъ равновѣсіе сразу покидало его, вы чувствовали гнѣвные порывы его души. Никто, казалось, больше его не печалился о жертвахъ ужасовъ и дикихъ, безсмысленныхъ жестокостей той эпохи. Никто сильнѣе его не негодовалъ и не былъ готовъ стать на борьбу съ преступностью.

Весь внѣшній обликъ П. А. какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ рѣдкимъ качествамъ и сторонамъ его души. Высокій ростомъ, сухощавый, широкоплечій, онъ былъ всегда щеголевато одѣтъ въ костюмъ англійскаго покроя. Я никогда не видѣлъ его ни въ мундирѣ, ни въ вицъ-мундирѣ; изрѣдка лишь, въ Государственной Думѣ, онъ бывалъ въ черномъ обыкновенномъ сюртукѣ, выгодно рисовавшемъ его статную, дышавшую энергіей и подвижностью фигуру.

Наружность П. А. навѣрно памятна многимъ по многочисленнымъ его портретамъ. Сниматься онъ не любилъ, какъ и вообще избѣгалъ всякихъ выставокъ и рисовокъ. Къ похваламъ, прославленіямъ онъ относился всегда очень сдержанно, какъ бы ощущая неловкость. Все, что дѣлалъ онъ, казалось ему лишь скромнымъ выполненіемъ своего жизненнаго долга. И это отпечатлѣвалось на его лицѣ. Умные, выразительные глаза въ глубокихъ орбитахъ смѣло смотрѣли на людей, живо отражая волновавшія или занимавшія его настроенія и чувства. Крупная характерная голова, съ выдавшимся впередъ лбомъ; небольшая, подстриженная, еще

темная бородка довольно густо обрамляла его лицо и хорошо очерченныя губы. Бесѣдовалъ онъ всегда оживленно, съ большимъ вниманіемъ выслушивая и охотно выражая свои мысли. Его пріемная была обыкновенно заполнена самыми разнообразными типами. Казалось, чрезъ нихъ онъ познавалъ Россію и ея дѣйствительную жизнь. Говорилъ онъ вначалѣ отрывисто, особенно во время репликъ, пока разговоръ не увлекалъ его; когда же разговоръ переходилъ на интересовавшую его тему, рѣчь П. А. дѣлалась живой, увлекательной. Особенно на трибунѣ, тамъ воодушевленіе и подъемъ сразу приходили къ нему, и рѣчь его свободно и плавно лилась въ могучихъ аккордахъ его рѣдкаго по выразительности и звучности голоса. Въ ней сказывался весь его характеръ, всѣ стороны его духовнаго образа. Онъ умѣлъ сразу овладѣть аудиторіей и приковать къ себѣ ея вниманіе. Рѣчи его, навѣрно, у многихъ изъ васъ въ памяти. Простота изложенія, ясность, глубокое знаніе предмета—были ихъ характерными чертами, какъ бы далекъ самъ по себѣ и спеціаленъ предметъ ни былъ. Все, доступное его вниманію и силамъ, онъ прилагалъ, чтобы изучить и овладѣть темой своей рѣчи. Нерѣдко его горячее слово захватывало весь парламентъ глубиной чувства, искренностью настроенія. Часто даже враги его восхищались увлекательной правдивостью его словъ, благородствомъ его образа, неотразимой силой его ораторскаго таланта. Если ораторы, какъ поэты, родятся, то это былъ именно „рожденный“ ораторъ, а не созданный только временемъ и трудомъ.

Я не могу многаго разсказать о прошлой жизни П. А., ибо не зналъ ни его семьи, ни лѣтъ прежней его дѣятельности и службы. Но что слышалъ, разскажу здѣсь; быть можетъ, это дастъ хотя нѣсколько чертъ для будущаго біографа. Отецъ П. А. представлялъ замѣтную личность въ Москвѣ: онъ былъ комендантомъ дворцовъ. Позже онъ переѣхалъ въ Орелъ, кажется, для коман-

дованія тамъ корпусомъ или дивизіей, а можетъ быть, наоборотъ, оттуда пріѣхалъ въ Москву. Въ Орлѣ сохранились воспоминанія о матушкѣ П. А., какъ женщинѣ рѣдкаго ума. Ея салонъ привлекалъ и восхищалъ всѣхъ своимъ умомъ и изяществомъ. Тамъ же, въ Орлѣ, прошли годы гимназической жизни П. А. Объ этой эпохѣ его жизни сохранились интересныя воспоминанія. Уже тогда, по разсказамъ сверстниковъ, П. А. выдѣлялся силой своего ума и характера. Очевидцы вспоминаютъ, что если бывали въ періодъ гимназической жизни П. А. событія, волновавшія гимназію, то тамъ прежде всего интересовались не тѣмъ, что думаетъ начальство, а что сказалъ П. А. Столыпинъ—тогда еще юноша и ученикъ. Въ немъ уже тогда предчувствовали рѣдкую силу характера и твердую, исключительную волю. Слышалъ я, что П. А. окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ; что когда ему минуло 20 лѣтъ, у него умеръ на рукахъ его братъ, военный, сраженный пулей дуэлянта. Событія уже тогда закаляли его характеръ и душу кровавыми трагедіями жизни. Служебная карьера его не длинна. Предсѣдатель Съѣзда въ Ковно; затѣмъ, губернаторъ тамъ же, и, наконецъ, губернаторъ въ Саратовѣ—очагѣ смуты 1905 года. Здѣсь впервые воспрянула рѣдкая мощь и величіе его характера. Саратовская губернія еще недавно представляла собой ссыльныя мѣста, съ старинными дворянскими вотчинами внутри себя и го́рномъ разныхъ крестьянскихъ недовольствъ и броженій. Активная крестьянская смута, раздуваемая пришлыми агитаторами и во многихъ случаяхъ мѣстными народными учителями, — всего рѣшительнѣе, безжалостнѣе и жесточе выразилась именно тамъ. Грабежи, поджоги, рѣзня, безжалостныя истязанія людей и животныхъ прокатились въ ту пору широкими волнами разнузданной стихіи по всей Саратовской губерніи. Острожные бунты, погромы усадьбъ, разбои, убійства и грабежи требовали большой энергіи, находчивости и смѣло-

сти отъ начальника края. Въ этомъ омутѣ преступности и бунтовъ П. А. Столыпинъ показалъ себя на высотѣ государственнаго долга. Его видѣли безтрепетнымъ, полнымъ несокрушимой смѣлости и передъ многотысячной бунтующей толпой, и въ острогѣ, охваченномъ возстаніемъ арестантовъ. Разсказываютъ, что, выйдя къ дерзкостоявшей вооруженной крестьянской толпѣ, П. А. сбросилъ съ себя пальто, крикнувъ рядомъ стоящему парню: „возьми". Тотъ подхватилъ пальто; всѣ сразу сняли шапки и заговорили языкомъ отрезвленія. Въ острогѣ неожиданно перелетѣвшій черезъ его голову кусокъ желѣза убилъ наповалъ сопровождавшаго его казака. И много такихъ трагическихъ подробностей было въ его тогдашней жизни.

Мое первое знакомство съ П. А. произошло въ Государственной Думѣ 3-го созыва, вскорѣ послѣ ея открытія. Онъ часто бывалъ тамъ, чутко прислушиваясь къ мыслямъ и настроеніямъ народныхъ представителей. Наша первая встрѣча была очень краткой: весь разговоръ заключался въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ, какими обыкновенно мѣняются люди, впервые говорящіе между собой. Это былъ ноябрь 1907 года. Въ послѣдующее время мнѣ чаще приходилось встрѣчать П. А. и бесѣдовать съ нимъ на политическія темы. Многія изъ нихъ, какъ частныя бесѣды, я считалъ неподлежащими огласкѣ. Но теперь, когда личность покойнаго перешла въ исторію, не будетъ нескромнымъ огласить кое-что изъ нихъ.

Въ концѣ 1907 года еще живы были въ памяти трагическія событія на Аптекарскомъ островѣ, унесшія десятки жизней, коснувшіяся семьи П. А. и чудомъ пощадившія его самого. Послѣ нихъ П. А. берегли; считали необходимымъ человѣкомъ для Россіи; ему отведено было помѣщеніе во дворцѣ; многочисленные наряды стражи и чиновниковъ заграждали доступъ въ его кабинетъ. Какъ жаль, что эта заботливость такъ быстро истощилась!.. Самъ П. А. жилъ чрезвычайно просто; его рабочій кабинетъ

помѣщался въ второмъ этажѣ, какъ разъ надъ крайнимъ подъѣздомъ дворца въ сторону Эрмитажа, на Дворцовой площади. Это былъ обширный залъ, ничѣмъ не напоминавшій кабинетъ государственнаго дѣятеля. У одной изъ его стѣнъ стоялъ большой диванъ, надъ нимъ телефонъ. „Днемъ можете садится на диванъ; ночью—это моя постель", сказалъ П. А., шутливо улыбаясь.

День П. А., если онъ не выѣзжалъ, былъ всегда одинаковъ. Съ одиннадцати часовъ утра начинались доклады и пріемъ должностныхъ лицъ и продолжались до завтрака. Съ трехъ часовъ пріемъ посѣтителей до 6 час., съ 6 час. прогулка на воздухѣ; въ 7 час. обѣдъ. Съ 8 час. работа, иногда экстренные пріемы, и такъ до 3 час. ночи. Самъ П. А. бывалъ лишь въ Государственной Думѣ, Государственномъ Совѣтѣ или съ обязательными докладами у ГОСУДАРЯ. Зная, какими опасностями грозилъ каждый выѣздъ его, всѣ охотно посѣщали его въ его тогдашней резиденціи.

А. И. Гучковъ, знакомый еще до созыва 3-й Думы съ П. А. и пользовавшійся его большими симпатіями, какъ-то передалъ мнѣ его приглашеніе. Поводомъ къ нему послужило избраніе меня докладчикомъ въ Государственной Думѣ по реформѣ мѣстнаго суда. П. А. очень симпатизировалъ этой реформѣ и хотѣлъ ускорить прохожденіе ея въ Государственной Думѣ. Съ этого и укрѣпилось наше первое дѣловое знакомство съ покойнымъ.

„Меня очень порадовало, — началъ онъ, — вниманіе „Госуд. Думы къ реформѣ мѣстнаго суда. Въ ряду пред„полагаемыхъ реформъ ей принадлежитъ, несомнѣнно, „очень крупное мѣсто. Пока у насъ не будетъ аппара„та, твердо примѣняющаго законы, изданіе ихъ явитъ „безцѣльную работу. Реформу мѣстнаго суда, его нор„мальное устройство правительство кладетъ въ основу „всѣхъ новыхъ прогрессивныхъ реформъ. Какъ полагаете: „сколько времени займетъ прохожденіе ея въ комиссіи? „Нельзя ли сдѣлать возможное для ускоренія ея?"

Дальнѣйшій разговоръ касался подробностей законопроекта и скоро перешелъ на общіе вопросы думской жизни. П. А. тревожила одна тема, тогда поднимавшаяся въ Государственной Думѣ: шли разговоры о реформѣ государственнаго банка.

— „Меня безпокоятъ толки эти,—сказалъ П. А.,—мнѣ „не кажутся необходимыми какія-либо перемѣны тамъ. „Между тѣмъ, въ нихъ большая угроза: мы можемъ по„терять В. Н. Коковцева. При реорганизаціи государ„ственнаго банка онъ не останется на своемъ посту, а вы „понимаете, какъ онъ нуженъ правительству съ его „огромнымъ опытомъ, знаніями, широкой эрудиціей. Мы не „можемъ потерять его...“

Позже мнѣ приходилось бывать у П. А. довольно часто. Иногда я пріѣзжалъ одинъ; чаще вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ, такъ какъ цѣлью визитовъ были собесѣдованія на общіе вопросы, занимавшіе Гос. Думу, правительство, прессу. Къ послѣдней П. А. относился съ рѣдкимъ благодушіемъ, терпѣливостью, близкими иногда къ индифферентизму. Его принципъ былъ таковъ, что держащій власть подлежитъ критикѣ и публичной оцѣнкѣ, лишь бы это былъ судъ надъ его политическою дѣятельностью и выражающими ее взглядами, а не мелкая травля, злостная болтовня, носящая характеръ хулиганства. Критику и недовольство лично имъ онъ выслушивалъ спокойно и терпѣливо.

О себѣ, особенностяхъ своей работы онъ говаривалъ такъ:

— „Мнѣ дается не легко государственная работа. „Иной разъ она подавляетъ своимъ разнообразіемъ: „бездна вопросовъ, идей, какими необходимо овладѣвать, „чтобы справиться съ нею. Я работаю обыкновенно такъ: „читаю документы, книги, справки, веду бесѣды. Усвоивъ „предметъ, я прислушиваюсь къ самому себѣ, къ мы„слямъ, настроеніямъ, назрѣвшимъ во мнѣ и коснув„шимся моей совѣсти. Они-то и слагаютъ мое окон-

„чательное мнѣніе, которое я и стремлюсь провести въ „жизнь. Поэтому, я нерѣдко затрудняюсь рѣшать „что-нибудь сразу, недостаточно вникнувъ, ибо имѣю „обычай по подписаннымъ мною векселямъ неуклонно „платить...“

Послѣднее качество было основной чертой его характера. Правдивый вездѣ и всегда, П. А. или молчалъ, когда затруднялся отвѣтить, или отклонялъ немедленный отвѣтъ. Но однажды убѣдившись, онъ давалъ слово, и оно было непоколебимой святыней его совѣсти. Вся натура его была прямолинейная и героическая. Онъ не зналъ двойственности, лукавства, утонченной дипломатіи.

— „Не гожусь я ко многому,—говаривалъ П. А.—Не „труды или борьба смущаютъ меня, а атмосфера, окру„жающая нерѣдко государственныхъ дѣятелей, разбивающая ихъ энергію или требующая уступокъ внутри себя“.

И, дѣйствительно, пока жизнь являла угрозы, пока трепетали передъ ея взрывами, его могучая личность, полная энергіи и героизма, казалась необходимой и вызывала восторгъ и преклоненіе.

Любимой изъ темъ П. А. были разговоры о Госуд. Думѣ, ея упроченіи, работахъ, планахъ будущаго и ощущаемыхъ неудобствахъ въ ней.

Помню начало апрѣля 1908 г., когда П. А. пріѣхалъ въ Думу, встревоженный уходомъ одновременно нѣсколькихъ серьезныхъ депутатовъ, и попросилъ меня зайти къ себѣ въ кабинетъ.

— „Какъ вы объясняете себѣ,—начинаетъ П. А.,— „уходъ столькихъ достойныхъ лицъ изъ членовъ Государственной Думы?“

— „Очень просто,—отвѣчаю я.—Многіе не въ со„стояніи жить на десятирублевыя діэты. Въ провинціи „на мѣстахъ у нихъ семьи; здѣсь—столичная жизнь. Во „время сессіи за день активной думской работы депу„таты еще кое-что получаютъ, а съ лѣта, почти въ те-

„ченіе полгода,—остаются безъ всякихъ средствъ. Просто „жить нечѣмъ. Знаю такихъ членовъ Думы, которые по„лучаемые за день работы 10 руб. отсылаютъ семьѣ, а „сами живутъ стороннимъ заработкомъ, въ родѣ литера„турной работы. Даетъ она—гроши. Можно жертвовать „собой, своими силами, но не семьей и ея участью".

Вѣроятно, съ такимъ же вопросомъ П. А. обращался и къ другимъ депутатамъ. Если въ задачи новаго избирательнаго закона входило призвать реальныхъ работниковъ, а не политиканствующихъ доктринеровъ, то, конечно, задуманная идея первое время была плохо выполнена. Многіе изъ положительныхъ работниковъ Госуд. Думы жили своимъ заработкомъ на мѣстахъ: взятые съ мѣстъ, они оказались среди большихъ финансовыхъ затрудненій, располагая заработкомъ всего въ 2000 руб. въ годъ. Занятія политикой при такихъ условіяхъ являлись доступными: или людямъ богатымъ, или людямъ очень бѣднымъ, дорожившимъ и этой суммой, что въ одинаковой степени было нежелательно, устраняя главный, наиболѣе способный къ работѣ элементъ среди депутатовъ.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды правительство внесло законъ о вознагражденіи депутатовъ 4200 руб. въ годъ; законъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ безъ возраженій и былъ принятъ къ исполненію одинаково членами всѣхъ фракцій—правыхъ, лѣвыхъ и крайнихъ лѣвыхъ.

Безъ колебанія можно сказать, что изъ среды членовъ тогдашняго правительства П. А. былъ человѣкомъ, наиболѣе и вполнѣ искренно расположеннымъ къ народному представительству. Какъ жизненный типъ, П. А. во что вѣрилъ, то ужъ вѣрилъ искренно и глубоко, что любилъ—любилъ горячо и неуклонно. Дума 3-го созыва какъ бы являлась духовнымъ дѣтищемъ его души. Онъ дошелъ до убѣжденія, что народное представительство необходимо для блага Россіи; и никто и ничто не могли ни поколебать, ни переубѣдить его. Я не хочу этимъ

сказать, что онъ присваивалъ русскому народному представительству всерѣшающую роль въ народной жизни. Нѣтъ, онъ лишь отводилъ ему свою сферу, свой кругъ. Въ минуты искреннихъ, оживленныхъ бесѣдъ вотъ какъ высказывался онъ о роли народнаго представительства въ Россіи:

— „Мы не сойдемся съ вами въ этомъ вопросѣ. Я „не сторонникъ чистаго народоправія. Скажу откро„венно—я убѣжденный монархистъ. Народное представи„тельство наше—только выразитель части народа, созрѣв„шей для политической жизни. Мой идеалъ—представи„тельная монархія. Въ такихъ громадныхъ государствахъ, „какъ Россія, многіе вовсе не подготовлены къ полити„тической жизни и требованіямъ, выдвигаемымъ ею. „Примирить же взаимные интересы въ странѣ—мораль„ные, экономическіе, духовные—можетъ своимъ авторите„томъ во многихъ случаяхъ только Монархъ“...

Это нисколько не умаляло его добрыхъ чувствъ и полныхъ симпатій къ Государственной Думѣ.

— „Сначала насадимъ, а тамъ будущее покажетъ,— „говорилъ онъ,—суждено ли возрасти русскому народ„ному представительству, подняться до высоты или рас„ползтись въ ширь, а то и вовсе не найти почвы для своей жизни“. Но что въ правящемъ государственномъ механизмѣ—необходимѣйшей его составной частью П. А. считалъ народное представительство,—это онъ открыто говорилъ и доказывалъ своими дѣйствіями. Онъ не создавалъ изъ представительнаго строя кумира. Но онъ искренно и убѣжденно считалъ его необходимымъ факторомъ нормальной государственной жизни. Впрочемъ, преклоненіе передъ чѣмъ-либо и паданіе ницъ не были и вообще свойствомъ его характера. Все рѣшающимъ элементомъ въ его жизни были только его убѣжденія, его совѣсть. Опираясь на нихъ, онъ безтрепетно шелъ впередъ. Отсюда—его смѣлость, его всегдашняя готовность къ встрѣчѣ съ противникомъ, гдѣ бы и кто бы онъ ни былъ.

Высокіе жизненные типы познаются въ дни тяжкихъ житейскихъ испытаній. Были такіе дни и у П. А.: періодъ первыхъ его несогласій и намѣреніе уйти отъ власти—въ апрѣлѣ 1909 г. Возвратившись изъ Крыма, П. А. бесѣдовалъ съ рядомъ симпатичныхъ ему политическихъ дѣятелей по поводу своего ухода. Эти бесѣды поражали всѣхъ своей спокойной величавостью. Ни капли горечи, ни слова недовольства, жалобъ,—только будущее великой державы занимало его, владѣло его думами, сердечнымъ настроеніемъ.

Въ этихъ бесѣдахъ, какъ нигдѣ, выступали возвышенныя, благороднѣйшія стороны его души: ни слова о себѣ, о своихъ несбывшихся ожиданіяхъ и планахъ. Только одно—неясное будущее русской жизни—волновало его. Какъ это ни странно, лишь немногіе понимали тогда, что уходъ подобныхъ людей—не случайный кризисъ въ бюрократическомъ механизмѣ, а событіе исторической важности, надломъ огромной руководящей силы, творившей эпоху въ исторіи русской жизни.

Дважды предполагавшійся уходъ П. А. въ періодъ 3-й Госуд. Думы изъ рядовъ правительства знаменателенъ двумя эпизодами: рескриптомъ на его имя, гдѣ были сказаны при обращеніи къ нему слова, исполненныя огромнаго значенія для народнаго представительства. Вотъ ихъ текстъ:

„Вся дѣятельность состоящаго подъ предсѣдатель-„ствомъ вашимъ Совѣта Министровъ, заслуживающая полна-„го Моего одобрѣнія и направленная къ укрѣпленію основ-„ныхъ началъ незыблемо установленнаго Мною государ-„ственнаго строя, служитъ Мнѣ ручательствомъ успѣшнаго „выполненія вами и настоящаго Моего порученія, согласно Моимъ предуказаніямъ“. („Прав. Вѣстникъ“, 28 Апр. 1909 г.).

Нужно помнить, что въ милостивыхъ рескриптахъ обыкновенно выражаются довѣріе и сочувствіе къ мыслямъ и идеямъ того, кому адресованъ рескриптъ.

Толкователи рескрипта такъ и понимали его, какъ выраженіе полнаго сочувствія къ народному представительству со стороны Монарха и одобренія политикѣ П. А. Столыпина.

Не разъ П. А. говорилъ:

— „Правительство не поступится ни одной изъ пре„рогативовъ Монарха, но и не посягнетъ ни на какую „частицу правъ, принадлежащихъ народному представи„тельству, въ силу основныхъ законовъ Имперіи".

Подробности и мотивъ вторичной просьбы П. А. объ отставкѣ хорошо памятны всѣмъ. Это былъ конфликтъ съ Государственнымъ Совѣтомъ. Распря эта явила собой какъ бы разладъ внутри самого правительства. Подъ благовиднымъ предлогомъ—правъ верхней палаты не соглашаться съ намѣреніями правительственныхъ законопроектовъ—была сдѣлана для многихъ довольно прозрачная попытка нанести ударъ прогрессивной политикѣ правительства въ лицѣ главы его П. А. Столыпина. Чуткій и горячій по натурѣ, П. А. смѣло принялъ сдѣланный ему вызовъ. Его діагнозъ политическаго момента былъ таковъ: само правительство насадило въ Госуд. Совѣтѣ бывшихъ у власти чиновниковъ, мечтающихъ о возвратѣ къ ней и готовыхъ на каждомъ шагу завязать борьбу съ правительствомъ, прикрываясь преданностью Монарху и охраненіемъ государственныхъ основъ. Теперь наступленіе на правительство шло не съ низу, не изъ среды народа, а сверху, изъ нѣдръ самого правительства. Самъ по себѣ законъ о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ, отклоненный Государственнымъ Совѣтомъ, былъ въ высокой степени симпатиченъ и вполнѣ справедливъ. Столыпинъ воспылалъ гнѣвомъ убѣжденнаго въ своей правотѣ человѣка. Эту вспышку ставили ему въ вину: примѣненіе 87 ст. Осн. Зак., въ глазахъ многихъ, сочтено было чуть не за заговоръ Катилины и сразу создало ему массу враговъ. Но Столыпина не страшила вражда въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ убѣжденъ въ своей правотѣ. Въ боевыхъ вопросахъ воля его была

несокрушима. За него были примѣры Запада, гдѣ во имя общаго блага не разъ примѣнялись подобныя исключительныя мѣры и пріемы. Этимъ моментомъ ловко воспользовались его враги, ставшіе яко-бы на защиту народнаго представительства, которому, въ дѣйствительности, никто тогда не грозилъ. Выступилъ и Государственный Совѣтъ съ выраженіемъ своихъ симпатій къ молодому народному представительству. Въ этомъ усмотрѣли доброе предзнаменованіе для будущей совмѣстной работы. Сбылось ли оно?

И во внѣшней политикѣ яркая фигура П. А. нашла выраженіе. При немъ былъ заключенъ союзъ съ Англіей. Въ противовѣсъ ранѣе существовавшему тройственному союзу былъ образованъ новый тройственный союзъ: Россія—Англія—Франція. Все предвѣщало величіе Россіи въ этомъ тріумвиратѣ. Россія имѣла огромную континентальную армію; у Англіи былъ лучшій въ мірѣ флотъ, у Франціи—огромные денежные рессурсы. Тогда мы не имѣли еще большихъ золотыхъ запасовъ. Въ политическомъ тактѣ П. А. Столыпина была одна цѣнная черта. Онъ никогда не поддавался впечатлѣніямъ минуты, отдѣльнаго эпизода, какими бы захватывающими подробностями они не были полны. Онъ жилъ широкими горизонтами; никогда будущее не ускользало отъ его напряженнаго взора. Онъ старался обнять вещи во всѣхъ своихъ, особенно угрожающихъ Россіи подробностяхъ. Въ этомъ видѣли подозрительность, преувеличенныя опасенія съ его стороны. Для истиннаго политическаго дѣятеля такой упрекъ едва ли былъ умѣстенъ. Кто не умѣетъ угадывать, иной разъ предчувствовать будущее, тому лучше не браться за роль руководителя. Лучшій политикъ умѣло ведетъ за собой событія, а не ждетъ, пока они нагрянутъ на него. Если во внутренней политикѣ умѣстно частое обращеніе къ прошлому, психологіи народной жизни, ея былымъ историческимъ укладамъ, то во внѣшней—взоръ истиннаго политическаго дѣятеля долженъ проникновенно стремиться къ будущему, къ рас-

познанію грядущихъ событій, какими грозитъ оно. Во-время заключенный союзъ не рѣдко то же, что предупрежденная война; во-время разгаданный врагъ—обезпеченная побѣда. Такъ говоритъ исторія, голосъ которой всегда мудрѣе самодовольныхъ филистеровъ и политическихъ фантазеровъ.

Описывая политическую дѣятельность П. А., необходимо коснуться его отношенія къ „аграрному вопросу". Въ дни смутъ вопросъ этотъ стоялъ кровавымъ призракомъ въ русской жизни. Знаменитыя „иллюминаціи" со всей силой отражали его. Рѣчь о принудительномъ отчужденіи земли была у всѣхъ на языкѣ, входила во всѣ программы лѣвыхъ, увлекавшихъ ими фантазію народа. Правительство не могло оставаться безмолвнымъ къ этому тревожному вопросу. П. А. объявилъ себя сторонникомъ мелкой частной земельной собственности и раскрѣпощенія крестьянства отъ оковъ общины. Законъ этотъ доставилъ ему большую славу. Онъ внесъ примиреніе въ данный боевой вопросъ и былъ встрѣченъ вполнѣ сочувственно среди народа. Живя отдѣльными группами, народъ, тѣмъ не менѣе, основнымъ укладомъ жизни считаетъ индивидуальную собственность. Онъ желалъ увеличенія землевладѣнія, но вовсе не на соціалистическихъ началахъ при осуществленіи его. Идея земельныхъ выдѣловъ и земельнаго обладанія на правѣ полной собственности — внѣ зависимости отъ общины — была дорога ему, и онъ радостно воспринялъ ее вездѣ, гдѣ земля имѣетъ цѣну, и гдѣ трудомъ надъ ней занимаются крестьяне. Такая позиція П. А. сразу побудила лѣвые элементы перемѣнить свой недавній фронтъ. Вчерашніе враги общины, сторонники раскрѣпощенія отъ нея, сегодня стали горячими сторонниками той же общины. Да, правду сказать, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, базировавшихъ на смутѣ и бунтахъ, такой поворотъ былъ вполнѣ понятенъ. Община была какъ разъ имъ съ руки,

а земельная свобода крестьянина и независимость отъ общины могли и подождать. Если когда-то военныя цѣли были однимъ изъ мотивовъ для общинныхъ группировокъ, то теперь иныя боевыя цѣли находили въ нихъ отличную для себя почву—и лѣвые элементы обрушились съ упреками на П. А., говоря: его цѣль не землеустройство, а созданіе класса мелкихъ собственниковъ, всегда тяготѣющихъ къ имперіализму и, добавимъ отъ себя, къ законности и порядку въ странѣ. Примѣръ Франціи въ дни послѣ великой революціи—какъ бы оправдывалъ ихъ догадку. Оппоненты не хотѣли считаться съ рядомъ другихъ побудительныхъ причинъ: психилогіей народа, тяготѣющаго къ личной, а не общинной собственности, закономъ о выкупѣ, провозглашавшемъ индивидуальную собственность по окончаніи выкупа, какъ разъ тогда наступившемъ. Живя въ общинѣ, крестьянинъ перестаетъ надѣяться на себя; рабъ ея—онъ начинаетъ терять индивидуальныя черты личности, подчиняется рутинѣ, перестаетъ дорожить собственностью, заботится о благоустройствѣ ея, окруженный какими-то семейно-опекунскими началами. Была и другая мысль у П. А.: не видѣлъ онъ залога народнаго благополучія только въ увеличеніи размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, а и въ интенсивности у крестьянъ земельной культуры. Отсюда—широкое развитіе агрономическихъ мѣропріятій и крупныя государственныя траты на нихъ.

Аграрная реформа была первой работой Гос. Думы 3-го созыва, согласившейся съ принципіальными положеніями аграрной политики П. А. Новый законъ внесъ умиротвореніе въ земельный вопросъ и показалъ, что съ правительствомъ возможна не одна борьба, но и совмѣстная законодательная работа для народнаго представительства.

Рядомъ съ этимъ П. А. отлично сознавалъ, что для культурнаго прогресса необходимо образованіе народа, развитіе его духовныхъ силъ. Но въ этомъ вопросѣ онъ безсильно опускалъ руки. Величина задачи и объемъ

необходимыхъ для нея средствъ какъ бы подсѣкали даже его богатырскую энергію. Онъ ясно видѣлъ, что здѣсь нужно время, цѣлые періоды, а не одинъ только, хотя бы и полный энергіи и смѣлости взмахъ. Помню восхищеніе П. А. передъ нѣмецкой народной школой, гдѣ онъ бывалъ въ періодъ своего губернаторства въ Ковно.

— „Школа въ Германіи, говорилъ П. А., велико-„лѣпна. Школьный учитель тамъ—не только учитель дѣ-„тей, но и совѣтникъ народа по важнымъ вопросамъ его „жизни. Школа развиваетъ тамъ высокій патріотизмъ, „лучшія стороны духа и ума. То ли у насъ? Какова была „роль сельскихъ учителей въ эпоху народной смуты? Кто „стоялъ во главѣ погромщиковъ въ Саратовской губер-„ніи? Гдѣ вы найдете нужное число учителей, проникну-„тыхъ сознаніемъ патріотическаго долга, съ положитель-„ными идеалами, вмѣсто анархическихъ или революціон-„ныхъ бредней? Вѣдь, ни много ни мало—нуженъ кадръ „изъ 150.000 человѣкъ! Для ихъ образованія—ежегодно „десятки милліоновъ! А мы едва вырвались изъ внѣш-„нихъ займовъ“.

Вторая яркая политическая идея П. А.—былъ націонализмъ. И здѣсь—одни видѣли угнетеніе не-русскихъ народностей; другіе—апоѳеозъ справедливости въ отношеніи русской народности. Какъ всегда, крайности ни къ чему не привели, кромѣ обостреній и непримиримости. Первые открыто стояли за распадъ русскаго государства; вторые—за цѣльность его и недопущеніе приниженія русской народности и ея государственнаго уклада. Для П. А. россійское государство было единое и нераздѣльное. Онъ не стремился къ какому-либо династическому господству русскаго народа надъ другими, но и не могъ перенести уничиженія русскаго народа на почвѣ интернаціонализма или культурныхъ превосходствъ. Его симпатіи привлекала Германія, сложенная изъ инородныхъ тѣлъ, признающихъ, однако, неуклонно обще-имперскій строй, его законы, языкъ, правовыя нормы.

— „Прежде всего, Россія пусть будетъ Россійскимъ „государствомъ,—говорилъ П. А.,—а затѣмъ будемъ тол„ковать о подраздѣленіяхъ и устройствахъ внутри ея раз„ныхъ народностей—финнахъ, эстонцахъ, полякахъ, хо„хлахъ, татарахъ и т. д. Не будемъ вытравлять процессовъ „исторіи и ея несокрушимаго уклада".

Какихъ только не было споровъ на эту тему. Договаривались до отрицанія русскаго языка, какъ государственнаго, до правосудія на мѣстныхъ языкахъ и т. п. Здѣсь Столыпинъ былъ непреклоненъ. Въ Россіи—господствующій языкъ—русскій; вездѣ на окраинахъ—равноправіе русскихъ съ туземцами, но—не положеніе русскихъ какъ бы иностранцевъ среди нихъ, ибо окраины—лишь органическія части Россіи.

Мы подходимъ теперь къ печальному и послѣднему моменту жизни этого замѣчательнаго человѣка. Безсмысленное злодѣяніе отняло его у Россіи; злодѣяніе, отъ котораго, по словамъ историковъ, не защищенъ никто, даже самые благороднѣйшіе и возвышеннѣйшіе типы всеобщей исторіи. Человѣческія событія теряютъ всякій жизненный смыслъ тамъ, гдѣ они являются игрушками въ рукахъ фанатиковъ или безумцевъ. Насколько самъ Столыпинъ представлялъ собой историческій, провиденціальный, какъ выразился одинъ англичанинъ, типъ, настолько безсмысленно его убійство. Свой историческій подвигъ онъ успѣлъ совершить. Выдвинутый тягчайшимъ моментомъ нашей исторической жизни, онъ умѣлъ справиться съ нимъ. Это вознесло его на необыкновенную высоту. Для всѣхъ невозможнымъ и страннымъ показался бы уходъ этого исключительнаго человѣка въ ряды простыхъ статистовъ или тоскующихъ резонеровъ. Рука убійцы какъ бы избавила его отъ этихъ разочарованій. Теперь онъ въ ореолѣ мученичества, достойно увѣнчавшаго его славный жизненный путь. Древніе обоготворяли своихъ героевъ, и они послѣ этого какъ бы жили возлѣ нихъ. Мы не знаемъ этого культа, но память великихъ людей свя-

щенна и въ наши дни. Какой захватывающей печалью пронеслась вѣсть о трагической смерти П. А. по всѣмъ концамъ земли русской! Кто не воскликнулъ тогда: „Онъ жилъ и умеръ героемъ!“ Самъ Столыпинъ пророчески сказалъ о себѣ: „я умру отъ руки предателя...“ Любимый многими безгранично, онъ имѣлъ и массу враговъ. Ему не прощали его безстрашія, его знаменитой фразы: „не запугаете!“, ставшей какъ бы девизомъ его мужественной, энергичной политики. Число враговъ не смущало его; къ нему вполнѣ примѣнимы слова англійскаго генерала Вильсона: „Обыкновенные люди, не имѣющіе „враговъ, суть люди ничтожные, лишенные самобытности „въ мысляхъ и энергіи въ дѣйствіяхъ“.

Можно ли отказать и въ томъ и въ другомъ П. А.? Только молодые и сильные народы способны рождать героическіе стихійные типы, готовые отвѣтить на призывъ родины въ печальнѣйшій моментъ ея исторіи. П. А. именно былъ такимъ. Русскій человѣкъ съ ногъ до головы, онъ горячо любилъ Россію, великіе историческіе завѣты ея. Еще при жизни онъ испыталъ огромную радость—видѣть дѣйствительный успѣхъ его усилій и трудовъ. Успокоеніе, возвратъ къ мирному труду, блестящіе финансы—были послѣднимъ утѣшеніемъ его внезапно прервавшейся жизни. Рѣшительно ничто не омрачаетъ ни его жизни, ни его могилы. Среди многихъ мыслей, какія навѣваетъ послѣдняя, есть одно невольное сравненіе. Въ трехъ шагахъ отъ могилы П. А., тамъ же, на берегу Днѣпра, подлѣ стариннаго храма—общая могила двухъ историческихъ людей — Искры и Кочубея, „посѣченныхъ“ (обезглавленныхъ), какъ гласитъ надпись на памятникѣ. Оба героически пали отъ руки предателя, пали за правду, которая возсіяла послѣ нихъ. Палъ и П. А. отъ пули предателя - инородца и также за правду, которую этотъ дѣятель принесъ съ собой въ русскую жизнь, и которая послѣ него сіять не перестанетъ! Есть вѣчныя истины, понять и

сказать которыя онъ сумѣлъ, и которыя надолго переживутъ его самого...

И на обагренной кровью этой дорогой русскому сердцу могилѣ, на ея гранитной плитѣ мы начертали бы такія слова:

„Спи съ миромъ, начатое тобой не умретъ, потому что оно—жизненно и велико!“

Н. Шубинской.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР 1992 г.